
СРАВНИТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

И. Х. МИНЯЖЕТДИНОВ

ПЕРВОЕ ТОРГОВОЕ АГЕНТСТВО СССР В ИРАКЕ: ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена истории малоизученного эпизода в советско-иракских отношениях, а именно – открытию и деятельности первого торгового агентства СССР в Королевстве Ирак в 1931 г. Этот эпизод рассматривается в контексте отношений трех стран: СССР – Великобритании, СССР – Ирака, Великобритании – Ирака. Значительное внимание в статье уделено описанию факторов, обусловивших заинтересованность правящих кругов Британской империи, имевшей мандат на управление иракской территорией, в налаживании экономического взаимодействия Королевства Ирак с Советским Союзом. Автор также предлагает интерпретацию внешнеполитических мотивов, лежавших в основе советской торговой экспансии в Ираке в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: СССР, Королевство Ирак, Британская империя, советско-иракские отношения, советско-английские отношения.

«Мы должны получить право назначения консулов в подмандатных территориях...»

В первой половине 1930-х гг. советско-иракские отношения получили значительное развитие. Обе страны вышли на новый уровень межгосударственного взаимодействия: Москва и Багдад оказались очень близки к установлению официальных дипломатических отношений. В этот период внешнеполитические ведомства двух стран, используя разные дипломатические каналы, инициировали переговоры по данному вопросу. Вместе с тем между СССР и Ираком заметно активизировалось и торгово-экономическое сотрудничество. Его важнейшим проявлением стало событие истори-

ческого значения: в иракской столице открылось первое советское торговое агентство. Это произошло в самом начале 1931 г. Стоит подчеркнуть, что по тем временам это было довольно прогрессивным шагом в советско-иракских отношениях. Ведь британцы, получившие мандат Лиги Наций на управление Ираком, достаточно упорно «придерживали» широкое развитие отношений между Королевством Ирак и СССР в предшествующее десятилетие. На том этапе, в 1920-е гг., когда в Ираке очень часто происходили антианглийские выступления и даже вооруженные восстания, британское руководство, по всей вероятности, опасалось любого советского присутствия в этой стране, будь то торгово-экономическое представительство или дипломатическая миссия. Тем более что тогда Москва фактически открыто декларировала, что одна из целей ее внешней политики на Востоке заключается в оказании всесторонней помощи восточным обществам, находящимся в колониальной зависимости от британской метрополии, в деле обретения свободы и национального суверенитета.

Предусмотрительность британцев, которую они проявляли в отношении Москвы, пытавшейся время от времени напрямую навести мосты с Багдадом, безусловно, была связана с имперскими интересами и амбициями Великобритании в регионе. В частности, контроль над иракскими нефтяными ресурсами давал британцам возможность обеспечения английского военно-морского флота и военно-воздушных сил, а также армий своих союзников топливом в необходимом количестве и практически на постоянной основе. Советская же революционная пропаганда, уже просочившаяся в Ирак, стимулировала развитие иракского национально-освободительного движения, направленного на упразднение британского контроля над страной. К тому же в этот период шиитские лидеры крупнейшего антианглийского восстания, произошедшего в Ираке в 1920 г., несколько раз вступали в переговоры с советскими дипломатами в соседней Персии, в ходе которых они даже обращались к СССР с просьбой помочь им в борьбе против англичан¹.

---

¹ С 1917 г., когда началась английская оккупация Ирака, группа по преимуществу шиитских деятелей (политиков, богословов, бизнесменов) пыталась организовать сопротивление английской оккупационной политике. Одним из лидеров этой группы являлся Джафар Абу Ат-Тимман. В 1920 г. иракские племена подняли антианглийское восстание, которое было жестоко подавлено британскими войсками. Это знаменитое восстание, которое в исследовательской литературе Ирака получило название «Иракская революция 1920 г.». В 1922 г. британская админи-

Британская разведка, кстати говоря, была осведомлена об этих переговорах.

Стремление Великобритании укрепить и защитить свои господствующие позиции в Ираке, в том числе от каких бы то ни было посягательств со стороны СССР, стало одной из главных причин того, что в 1920-е гг. советско-иракские отношения не получили полноценного развития и осуществлялись исключительно в торговой сфере. При этом товарооборот между двумя государствами имел очень маленькие объемы и носил нерегулярный характер, хотя Советский Союз и Королевство Ирак были близко расположены друг к другу и, несомненно, имели большой потенциал для плодотворного сотрудничества не только в сфере торговли, но и в других областях.

страция отправила Абу Ат-Тиммана как организатора восстания в ссылку в соседний Иран. Вместе с ним выслали его соратников, включая знаменитого шиитского богослова, лидера иракских муджтахидов и идеологического вдохновителя антианглийского восстания шейха Махди аль-Халиси, который был известным в Ираке сторонником Советского Союза. Видимо, тогда группа иракских политиков во главе с Джафаром Абу Ат-Тимманом пришла к выводу о том, что без внешней, в том числе военной помощи иракцы не смогут освободиться от английской оккупации Ирака.

И уже в том же 1922 г. делегация представителей Джафара Абу Ат-Тиммана прибыла с визитом в консульство СССР в Керманшахе, где между иракскими националистами и советской стороной состоялись первые переговоры. Насколько можно судить по имеющимся архивным данным, тогда эти переговоры между двумя сторонами не привели к каким-либо серьезным договоренностям о сотрудничестве. Тем не менее между ними состоялось первое знакомство, в ходе которого иракцы дали понять Москве, что в Ираке существуют национально-патриотические силы, которые, во-первых, намерены бороться против английской агрессии, а во-вторых, заинтересованы в советской поддержке их борьбы.

Уже в следующем 1923 г. большевики и группа отправленных в ссылку иракских националистов начали сотрудничать. Так, полномочный представитель СССР в Персии Борис Шумяцкий вошел в тесный контакт с вышеупомянутым шейхом Махди аль-Халиси, который по просьбе Шумяцкого написал книгу на арабском языке, пропагандирующую единство ислама и большевизма и содержащую призыв к мусульманам объединиться с Россией для освобождения Востока. Шумяцкий принял меры для распространения книги в регионе.

В 1928 г. группа Абу Ат-Тиммана обратилась к большевикам уже с конкретной просьбой: оказать содействие в военной подготовке нескольких ее членов, а также разрешить закупить в СССР оружие, чтобы в случае необходимости поднять антианглийское вооруженное восстание. Пока точных данных о конкретной советской военной помощи иракцам не найдено, но с этого времени между Москвой и группой Абу Ат-Тиммана устанавливается канал постоянной связи через советское консульство в Керманшахе.

Было очевидно, что, в отличие от других ближневосточных стран, британцы особенно старательно оберегали Ирак от большевистского влияния. К началу 1930-х гг. большевики уже установили дипломатические отношения со многими государствами Ближнего и Среднего Востока: с Афганистаном в 1919 г., с Турцией в 1920 г., с Персией в 1921 г., с Королевством Хиджаз, Неджд и присоединенные территории в 1926 г. Ирак же оставался для Москвы недосягаемой целью. Исходя из контекста внешнеполитических намерений и усилий СССР в отношении Ирака в 1920–1930-е гг., можно сделать вывод о том, что большевистское руководство, которое находилось на начальном этапе формирования иракского направления советской внешней политики, считало учреждение торгового агентства СССР в столице подмандатного Ирака в 1931 г. действительно очень большой дипломатической победой. Ведь и с точки зрения обеспечения внешней безопасности молодого советского государства, и с позиции реализации политики экспорта «мировой революции» это агентство, несмотря на, в общем-то, не очень значительный дипломатический статус, по всей видимости, рассматривалось большевиками как пусть маленький, но очень важный коммунистический форпост в самом центре ближневосточных геополитических владений своего главного идеологического оппонента – Британской империи².

Важно отметить, что в значительной степени этот успех стал результатом той большой дипломатической работы, которую провел в предыдущие годы Народный комиссариат иностранных дел во главе с Г. В. Чичериным. При Чичерине советская дипломатия смогла создать определенные предпосылки для того, чтобы советско-иракские отношения смогли выйти на принципиально новый уровень в последующие годы. Его преемнику М. М. Литвинову необходимо было удержать достигнутые позиции, хотя и это было не так просто сделать: международная обстановка в регионе Ближнего Востока имела достаточно высокую динамику политических трансформаций. Все очень быстро менялось: обстоятельства, процессы, мотивация и интересы влиятельных политических групп. Тем не менее созданная предшественником «стартовая площадка» давала М. М. Литвинову хорошие возможности не только закре-

---

² Более подробно о задачах, которые ставил перед собой НКВД в Ираке в 1920-е гг., см.: Миняжетдинов 2006.

пить успех, но и развить его, добившись в дальнейшем установления официальных дипломатических отношений между СССР и Королевством Ирак.

В формировании советской ближневосточной политики в 1920-е гг. принимали участие разные государственные структуры, включая Народный комиссариат иностранных дел СССР (НКВД), Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ), ОГПУ при СНК СССР, Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ). Конечной высшей государственной инстанцией, утверждавшей все внешнеполитические решения, было Политбюро ЦК РКП. Георгий Чичерин как руководитель НКВД и как член ЦК являлся одним из тех советских политических деятелей, которые оказывали непосредственное влияние на процесс принятия советским руководством внешнеполитических решений, касавшихся развития отношений между СССР и странами Ближнего и Среднего Востока. И особо следует отметить, что у Чичерина был свой принципиальный и прагматичный подход в этом вопросе, который он старался провести в жизнь. Суть его заключалась в том, что советская политика на Ближнем Востоке должна быть согласована с Великобританией: Москва и Лондон должны сесть за стол переговоров и договариваться по всему спектру существующих между ними противоречий и вопросов, связанных с восточными делами. Иными словами, советскому руководству, по убеждению Чичерина, необходимо было открыто заявить Лондону о своих внешнеполитических намерениях по поводу стран Ближнего и Среднего Востока, а также официально выставить британцам свои требования, касающиеся решения тех или иных спорных вопросов на Востоке, которые имеют отношение к политической и экономической безопасности Советской России (РГАЭ. Ф. 413. ОП. 2. Д. 1804). Чичерин полагал, что именно посредством переговоров с британским правительством следует добиваться возможности развития разнопланового взаимодействия СССР со странами Востока, которые являлись доминионами, колониями, протекторатами и подмандатными территориями Британской империи. Как свидетельствуют факты, данный подход получил полную поддержку у членов Политбюро. Хотя, безусловно, помимо НКВД, были и другие структуры, например ОГПУ и Коминтерн, которые, наоборот, пытались инкогнито проникать и действовать в Ближневосточном регионе, имея цель распространить советское влияние в зоне сосредоточения геополитических интере-

сов Великобритании и поддержать антианглийские арабские националистические движения. Хорошо известно, что Чичерин нередко конфликтовал с руководствами этих организаций, возмущаясь тем, что их деятельность подчас сводила на нет многолетние усилия, предпринимавшиеся советским дипломатическим ведомством на восточном направлении. Собственно, этот казус «ведомственной рассогласованности» хорошо демонстрирует ситуация с Торговым агентством СССР в Ираке, которое очень скоро было закрыто иракским руководством именно в связи с проведением сотрудниками агентства коммунистической и революционной пропаганды.

Показательным примером, демонстрирующим вышеописанный подход Г. Чичерина, является его доклад для Политбюро ЦК РКП от 6 марта 1924 г., который был посвящен предстоящему «обмену декларациями о восточном вопросе» в ходе переговоров с Англией. Это малоизвестный и еще не опубликованный документ. В докладе Чичерин защищал в том числе тезис о том, что СССР ни в коем случае не стоит действовать на Ближнем и Среднем Востоке «за спиной Англии», но наоборот, Москве необходимо открыто заявить Лондону о своих законных правах и требованиях как полноправному государственному субъекту международных отношений. «Мы не можем заставить Англию, – писал он, – отказаться от всякой колониальной политики, и мы поэтому не можем требовать от нее аннулирования или прекращения всяких актов и всяких действий, нарушающих суверенные права или интересы восточных государств... Мы должны заявить о нашем праве на представительство в Египте подобно другим государствам, но не проводить это за спиной Англии... Ввиду того, что в Сирии и в Палестине имеются громадные имущества, принадлежащие частью Российскому государству, частью церкви и палестинскому обществу, мы должны требовать признания там наших имущественных прав и удовлетворения наших претензий по этим правам. Мы требуем интернационализации Шатель-Араба и создания там интернациональной комиссии, вроде суэцкой, с нашим участием. Мы требуем отказа Англии от концессии на железную дорогу от Месопотамской границы до Тегерана, являвшейся также составной частью плана против нас. Мы не можем вмешаться в Мосульский вопрос, ибо это сделало бы соглашение с Англией невозможным, но мы можем настаивать на твердой границе между Турцией и Ираком, чтобы положить конец теперешнему неопределенному положению,

ведущему к постоянным осложнениям, которые создают неприятности и для нас. Вопрос о Ливане мы ставим особо, ибо он является одним из главнейших орудий английской дипломатии... Мы резервируем по этому вопросу наши права и будем о нем говорить в связи с англо-французскими отношениями. Мы должны получить право назначения консулов в подмандатных территориях...» (РГАЭ. Ф. 413. ОП. 2. Д. 1804)³. Как известно, в 1924 г. советско-английские переговоры прошли во многом успешно для СССР, который получил разрешение тогдашнего британского правительства на открытие своих торговых агентств в странах, находящихся в политической зависимости от Британской империи.

По нашему мнению, именно этот чичеринский подход, нацеленный на диалог и сотрудничество с британским руководством по самому широкому кругу вопросов, даже несмотря на разрыв советско-английских отношений в 1927 г., открыл советской дипломатии двери во многие ближневосточные страны, находившиеся в зоне влияния и стратегических интересов Великобритании. В них с одобрения английских властей открывались советские торговые агентства или дипломатические представительства.

Действительно, успех такого предприятия, как учреждение в Багдаде советского торгового агентства в начале 1931 г., во многом зависел от развития советско-английских деловых связей, которые, несмотря на тяжелейший экономический кризис в Англии, развивались в этот период во взаимном режиме наибольшего благоприятствования. Так, по данным английской официальной таможенной статистики «Trade and Navigation», СССР являлся единственной страной в мире, увеличившей экспорт своих товаров в Великобританию и импорт товаров из нее же в 1930 г. (РГАЭ. Ф. 413. ОП. 13. Д. 48). Выступая с докладом о советских кредитах на заседании английской Палаты общин 22 июля 1931 г., консерватор Кенлиф-Листер заявил, что, по официальным данным, за 6 месяцев (с 1 декабря 1930 г. по 31 мая 1931 г.) кредиты, предоставленные СССР, составили примерно 2,5 млн фунтов стерлингов, в то время как кредиты всем прочим странам вместе составили 1 419 000 фунтов стерлингов. Кенлиф-Листер с негодованием констатировал, что «правительство сейчас собирается предоставить дальнейшие крупные кредиты для России – то есть фактически Департамент экс-

---

³ Здесь и далее все тексты цитируемых документов приводятся с сохранением оригинальной стилистики, пунктуации и орфографии.

портных кредитов скоро превратится в отделение Банка для русской торговли». Отмечая в этой связи значительное, но одностороннее, к выгоде СССР, увеличение товарооборота между двумя странами за последнее время, он также сообщал, что «в 1928–1929 гг. Россия продала Англии товаров на сумму – 192 ½ млн рублей, а купила у нас на 45 млн рублей. В 1929–30 гг. Россия продала Англии на 237 ½ млн рублей, а купила на 83.7 млн рублей» (РГАЭ. Ф. 413. ОП. 13. Д. 48).

Как свидетельствуют факты, активизация во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. англо-советских экономических связей в определенной мере, видимо, распространялась и на английские колонии, протектораты, доминионы и мандатные территории, расположенные на Ближнем и Среднем Востоке. Советская экономическая дипломатия в указанный период значительно усилила свою работу в этом регионе. Так, торговые общества, агентства и представительства СССР действовали уже в Турции, Афганистане, Палестине, Королевстве Хиджаз, Неджд и присоединенные территории (с 1932 г. – Королевство Саудовская Аравия), Йемене, Ливане, Сирии, Египте, Персии и Ираке (в 1931 г.). Отдельно стоит отметить, что Москва пыталась налаживать торговые связи даже с Бахрейном – важнейшим британским протекторатом в зоне Персидского залива. Справедливости ради также нужно сказать, что многие советские агентства в вышеуказанных странах по разным причинам проработали там не очень долгое время.

Замечательной иллюстрацией развития советского экономического присутствия в Ближневосточном регионе, которую целесообразно здесь привести, является репортаж английской газеты «Таймс» от 3 сентября 1931 г. В нем сообщалось, что «советское правительство подготавливается к интенсивной кампании торгового проникновения в Египет. Йемен недавно был наводнен русской нефтью и там за последние пять месяцев было продано 460 тыс. галлонов с уплатой в талерах Марии Терезии. Демпинговая кампания была начата также в Хиджазе и советское нефтеналивное судно находится на пути в Джидду. Советские пароходы наладили регулярное сообщение с Эритреей и Персидским заливом. Производится демпинг автомобилей, хлопка, тканей, сахара, сладостей, мебели, леса, галантереи, гальванизированной стали. Ведется также интенсивная кампания по кожевенным изделиям, фарфору и обуви» (цит. по: РГАЭ. Ф. 413. ОП. 13. Д. 31).

«Торговое агентство СССР в Ираке становится опасным для интересов английской торговли...»

Итак, в самом начале 1931 г. в Багдаде открылось первое торговое агентство СССР в Ираке – отделение акционерного общества «Шарк» (АВП РФ. Ф. 93. ОП. 1. П. 1. Д. 5, Berliner Tageblatt 1931). Уже в первые недели работы агентства были установлены непосредственные контакты советских государственных объединений – Главной экспортно-импортной конторы Востокинторга, Всесоюзного текстильного синдиката, Главхлопка, Промэкспорта, Экспортлеса и др. – с представителями крупных иракских торговых фирм и отдельными коммерсантами. Основными статьями советского экспорта в Ирак были машины и инструменты, черные металлы и изделия из них, лесоматериалы, мануфактура и другие потребительские товары. Товарооборот двух стран в 1931 г. по сравнению с 1928–1929 гг. возрос почти в восемь раз – с 10 947 фунтов стерлингов до 84 722 фунтов стерлингов (Овезов 1967: 16).

Активная торгово-экономическая деятельность советского агентства была отмечена германскими СМИ. Так, в статье, озаглавленной «Россия в Ираке», немецкая «Берлинер Тагеблатт» от 1 апреля 1931 г. сообщала, что торговое агентство (Handelsagentur) СССР в Ираке, несмотря на незначительный срок своего существования, становится «опасным для интересов английской торговли». По сведениям газеты, багдадский рынок настолько наводнен дешевыми советскими товарами, что иракские коммерсанты больше не делают никаких заказов в Европе. Газета указывала, что СССР ввез туда не только 40 000 мешков сахара, но и крупные партии леса, бензина и нефти. В связи с завозом советских товаров даже англо-персидская нефтяная компания была вынуждена значительно понизить цены на свои товары (Berliner Tageblatt 1931).

Также газета отмечала, что советское агентство для транзитной перевозки грузов между Тегераном и Багдадом использует 100 грузовых автомобилей. Такое же количество грузовиков обслуживает маршрутную линию Басра – Багдад. По данным издания, кроме сухопутного транспортного маршрута «с 1 апреля должно быть установлено и регулярное пароходное сообщение» между Одессой и Басрой, что явится «новой угрозой для Англии» (*Ibid.*).

В это же время немецкое информационное агентство «Ост Агентур» сообщало из Багдада, что «в результате появления на иракском рынке советских товаров ряд заказов, сделанных иракца-

ми английским и индийским фирмам, был аннулирован. Многие багдадские коммерсанты заявили, что они намерены впредь закупать исключительно советские товары, которые благодаря своей дешевизне могут значительно легче найти в Ираке сбыт» (цит. по: АВП РФ. Ф. 93. ОП. 1. П. 1. Д. 5).

Примечательно, что, в отличие от немецких СМИ, советская пресса ни словом не обмолвилась об этом, в принципе, весьма знаменательном событии. Ведь по тем временам, когда Ирак еще не получил официальную независимость, учреждение первого советского торгового агентства в столице Иракского королевства, фактическим правителем которого являлся английский верховный комиссар, было если не крупным, то, по крайней мере, весьма значительным достижением советской дипломатии в этой стране, а также чрезвычайно прогрессивным шагом в развитии торговых отношений между СССР и Ираком. Кроме того, надо указать, что данный исторический факт совершенно не отражен даже в отечественной научной литературе, посвященной исследованию истории развития советско-иракских взаимоотношений, в том числе и в период их становления (1922–1958 гг.). Что же касается зарубежной историографии, которая также не может похвастаться обилием научных изысканий в этой области, то этот факт (правда, в несколько ином контексте) со ссылкой на архивы МИД Великобритании приводит только один из ее представителей, а именно известный английский экономический историк Джозеф Сассун (Sassoon 1987: 225).

Важным историческим документом, свидетельствующим о советском экономическом выступлении в начале 1930-х гг. в Ираке, является доклад в НКВД торгового представителя СССР в Хузестане А. Д. Ахимова. Как документ доклад Ахимова под названием «О состоянии советской торговли с Ираком» представляет собой редкую архивную находку, которая, с одной стороны, подтверждает факт деятельности советского агентства в Ираке, а с другой стороны, содержит интересные оценки, анализ и характеристику экономической политики Советского Союза в отношении Ирака в контексте продолжающегося там глубокого экономического кризиса (АВП РФ. Ф. 93. ОП. 1. П. 1. Д. 5).

Так, в первой части своего доклада А. Д. Ахимов, объясняя причины кризиса, в котором оказалась иракская экономика, аргументированно показывает, что одной из них, помимо мирового кризиса, является советская экономическая политика в регионе: «Бла-

госостояние Ирака до последних лет, – констатировал советский торгпред, – главным образом основывалось на его транзитном для Персии значении. Но за последние 2–3 года, по мере нашего торгового продвижения на Запад Персии, посредническое значение багдадских купцов постепенно падает. Комиссионеры багдадских купцов в Хамадане и Керманшахе, не устояв перед широким размахом работы “Шарк”, постепенно сворачивают свою работу. То же самое происходит и в Хузестане. Не только персидские комиссионеры багдадского купечества, но и крупные багдадские комиссионеры Манчестера прекращают свое существование. За последнее время в Багдаде прекратили свою работу до 13 мануфактурных фирм» (АВП РФ. Ф. 93. ОП. 1. П. 1. Д. 5. Л. 2–3).

Далее Ахимов приводит подробные статистические данные, свидетельствующие о деградации народного хозяйства Ирака, и сообщает, что в такой обстановке «мы начинаем там развивать нашу торговлю. Купечество в оба глаза смотрит на нас, надеясь, что советская торговля вольет жизненные соки в иракское народное хозяйство и поддержит его разлагающуюся экономику. Оно (купечество) надеялось, что мы внесем некоторое оживление в рынок иракских провенансов». И далее: «Текущий операционный год мы начали с форсирования нашего экспорта в Ирак. За короткий срок, начиная с 19.02.31 г. по 20.05.31 г. в иракские воды /Басра/ зашли четыре советских парохода. Наш ввоз в Ирак по порту Басра за четыре месяца 1931 года составил сумму 30.386 ф. стерлингов. За те же месяцы наш вывоз из Ирака по порту Басра составил лишь 230 мешков чернильных орешек на сумму 3.180 ф. стерлингов или 10 % нашего ввоза» (Там же: Л. 3–4).

В своем докладе А. Д. Ахимов также кратко сообщал и о реакции иракских правительственных кругов на экономическую активность СССР в Ираке. В частности, он писал: «Естественно, что за короткий срок времени такой интенсивный ввоз в чудосочную как Ирак страну, не мог не побудить иракскую руководящую общественность к постановке вопроса: как быть с советской торговлей в Ираке? На каких условиях и как ее регулировать» (Там же. Л. 5)?

Действительно, в этот период вопрос о налаживании торговых отношений с СССР довольно широко обсуждался на разных уровнях иракской государственной власти. Так, в начале апреля 1931 г. в связи со все более увеличивающимися объемами советского экспорта в иракском парламенте состоялось рассмотрение вопроса об урегулировании советско-иракской торговли на законодательном

уровне. В ходе прений по данной проблеме иракские депутаты особо сетовали на отсутствие положительного торгового баланса во внешнеэкономических связях Ирака с СССР. Иракские парламентарии указывали на большую заинтересованность страны в торгово-экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, но в то же время отмечали тот факт, что советский экспорт несравнимо превышает мизерные объемы иракского импорта в СССР, что чрезвычайно губительно сказывается на экономическом хозяйстве Иракского королевства и усугубляет его кризисное состояние. В этой связи для законодательного регулирования советской торговой деятельности в своей стране иракские депутаты выдвинули предложение о создании соответствующей нормативно-правовой базы. В качестве конкретной основы для развития взаимовыгодной двусторонней торговли предлагалось ввести принцип нетто-баланса, который должен был быть закреплен специальным правительственным актом (АВП РФ. Ф. 93. ОП. 1. П. 1. Д. 5. Л. 5).

«Наряду с парламентскими выступлениями... – продолжал Ахимов, – за последнее время иракская пресса уделяет много внимания положению СССР вообще и совторговле в Ираке в особенности. В багдадских и басрийских газетах стали появляться много неблагоприятных для нас статей, в некоторых из них чувствуется явно враждебное к совторговле настроение» (Там же).

Вместе с тем Ахимов не оставил без должного внимания и реакцию коммерческих кругов Ирака, то есть непосредственных покупателей советской продукции. Он следующим образом информировал НКВД об отношении иракских торговых партнеров СССР к деятельности советского торгового агентства: «В результате, с одной стороны, общего экономического кризиса и, с другой, под напором нашего непрерывного ввоза иракское купечество взбудоражилось и ставит вопрос о дальнейших формах совторговли в Ираке, поскольку этот вопрос чувствительно затрагивает его судьбу». И далее: «В настоящее время иракское купечество с неослабным вниманием ждет нашего выступления по заготовке иракских товаров» (Там же. Л. 6).

Подводя итоги торгово-экономической деятельности СССР в Ираке, Ахимов дает весьма отрицательную оценку последней и предупреждает о ее пагубных последствиях для советской политики в иракском государстве: «Иракский рынок, благодаря своим небольшим размерам, переживаемому им кризису долго не выдержит нашей широкой там экспортной работы. Если мы теперь же не из-

меним нашу “систему” работы в Ираке, – предостерегал Ахимов, – то через некоторое время двери иракских рынков для нас закроются навсегда. Нам нужно, опередив события, перестроить нашу работу в Ираке, иначе нынешняя ни экономически, ни политически необоснованная наша торговля в Ираке приведет к тому, что мы, сильно увлекаясь экспортом наших товаров в Ирак, перенасытим рынок, еще больше обострим существующий там кризис, который впоследствии ударит по покупательной способности населения и само собой приведет к сужению рынка – это первое. Затем в результате такой бессистемной работы мы восстановим против себя иракское купечество, которому усердно помогут наши антагонисты» (АВП РФ. Ф. 93. ОП. 1. П. 1. Д. 5. Л. 6).

Как показали дальнейшие события, Москва продолжила ту же агрессивную внешнеэкономическую тактику форсированного внедрения в иракскую экономику, при которой советский экспорт в Ирак в десятки раз превышал иракский импорт и которая, кстати, была практически аналогична политике Британии и других крупных держав в Ираке. Так, например, ввоз Англии в Ирак превышал вывоз в 15, США – в 16, а Японии – в 50 раз (Оганесян 1976: 53). Такой пассивный внешнеторговый баланс Ирака в отношениях с этими странами, за небольшими изменениями, в целом сохранялся на протяжении всего периода существования Королевства Ирак, наносил его экономике большой вред и препятствовал полноценному экономическому развитию страны.

К вопросу о мотивации сэра Фрэнсиса Хэмфри и его руководства

В самом Иракском королевстве решение об учреждении торгового агентства СССР в Багдаде за несколько дней до его официального открытия было принято на заседании Совета министров Ирака во главе с премьер-министром Нури Саидом (Sassoon 1987: 225). Это произошло во многом под давлением иракских деловых кругов, жизненно заинтересованных в расширении торговых связей с Советской Россией, поскольку экономическое положение в Ираке сильно ухудшилось. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что это решение было принято исключительно с одобрения английской колониальной администрации, возглавлявшейся в те годы британским верховным комиссаром Ирака сэром Фрэнсисом Хамфри (Francis Humphry). Последний, надо полагать, отдавал себе отчет о возможных последствиях такого, в общем-то, необычного для

тогдашней иракской политики Великобритании шага. Во всяком случае, необычным он выглядел на фоне борьбы британской администрации с «большевистскими происками» в Ираке. Ведь до этого времени, как уже было сказано выше, британцы всемерно препятствовали какому-либо проникновению Советов в свою «иракскую вотчину», всячески оберегая ее от большевистской пропаганды, которая, как полагало английское руководство, представляла большую угрозу имперским интересам Британии в Ираке. Однако, как представляется, именно с целью укрепления британского господства в Ираке сэр Фрэнсис Хамфри, который, надо полагать, беспрекословно следовал всем указаниям Лондона, и санкционировал запуск мер по значительному развитию советско-иракской торговли. И для этого у британцев имелись веские основания.

Дело в том, что в результате разразившегося в эти годы мирового экономического кризиса Британская империя переживала глубокий экономический спад. Кризисное состояние Британии тяжелым бременем ложилось и на страны, находившиеся в колониальной или иной форме зависимости от нее. В частности, в результате экономического кризиса значительно сократился внешнеторговый оборот Великобритании со своими доминионами (импорт – на 15 %, экспорт – на 23 % [1930 г.]) (РГАЭ. Ф. 413. ОП. 13. Д. 48). В то же время там резко повысились цены на все британские товары и услуги, а также снизилась покупательная способность населения. Как следствие, Англия начала постепенно утрачивать в этих странах свои экономические и политические позиции, уступая натиску США, Германии, Японии и других держав (Там же).

Что же касается Ирака, то его экономика также переживала в эти годы сильнейший экономический кризис. Это было обусловлено тем, что она была тесно связана главным образом с капиталистическим хозяйством Великобритании, которая значительно сократила в этот период и без того неэквивалентный внешнеторговый оборот с Ираком. А поскольку последний являлся аграрной страной, то есть главной сферой деятельности населения было сельское хозяйство и животноводство, продукция которого составляла более 90 % всего вывоза (не считая нефти), то кризис в первую очередь ударил по крестьянству. Это привело к тому, что цены на сельскохозяйственные продукты упали на 55–85 %. Вследствие этого благосостояние и покупательная способность крестьянства резко снизилась, что в свою очередь вызвало кризис сбыта, в результате которого множество иракских компаний и коммерсантов обанкроти-

лись. Крестьяне находились на грани обнищания, а в некоторых районах они буквально умирали с голоду. Также кризис способствовал разорению иракских ремесленников, особенно тех, чье производство было связано с экспортом. Сложившуюся ситуацию еще более усугубляли неурожаи и различные стихийные бедствия (нашествие саранчи, сильные морозы) (Ментешашвили 1969: 167–168).

Экономический кризис вполне закономерно привел к резкому ухудшению политического положения в Ираке. Население страны вполне справедливо винило во всех своих бедах Британию, которая ко всему прочему обложила иракцев непомерными и непонятными для них налогами, а также ввела всеобщую воинскую повинность. В городах проходили массовые демонстрации и забастовки. На периферии одно за другим вспыхивали крестьянские восстания. В то же самое время мощное восстание (1931–1932) вновь охватило Иракский Курдистан. Вместе с тем в связи с подписанием в 1930 г. очередного неравноправного англо-иракского договора в стране с новой силой вспыхнуло национально-патриотическое движение. По всему Ираку проходили антибританские волнения, которые жестоко подавлялись правительством с помощью английских военно-воздушных сил. Но эти меры имели временный результат и никак не могли остановить общего хода событий, который грозил привести к нежелательным для Британской империи последствиям. Иными словами, создалось опасное для Лондона положение, когда он начал терять контроль над внутривнутриполитической ситуацией в стране, которая, накалившись до предела, стала создавать реальную угрозу английскому присутствию в Ираке.

В этих условиях для сохранения и упрочения своих позиций в Ираке, помимо силовых методов принуждения, Лондон предпринимал и другие усилия, призванные способствовать нормализации обстановки и ослаблению социальной напряженности в стране. Поскольку одной из причин волнений в стране был экономический кризис, то английское руководство также было заинтересовано и в некоторой стабилизации ситуации на иракском рынке товаров и услуг. Однако британцы не стремились это делать за счет ресурсов самой Великобритании, также испытывавшей тяготы мирового экономического кризиса. Вытаскивать иракскую экономику из кризиса было бы слишком дорого и нецелесообразно, поскольку британская колониальная машина изначально была запрограммирована на экономическую эксплуатацию захваченных территорий. По этой

причине, видимо, верховный комиссар Ирака сэр Фрэнсис Хамфри, способствуя развитию советско-иракских торговых отношений, и предполагал решить в какой-то степени внутриэкономические проблемы в оккупированной британцами стране. Тем более что Советский Союз оказался единственным государством в мире, на которое не оказывал влияния мировой экономической кризис и которое, наоборот, в этот период испытывало экономический подъем. Поэтому СССР в определенной степени действительно мог сыграть роль локомотива, способного создать предпосылки для некоторой стабилизации иракского рынка сельскохозяйственной продукции хотя бы на короткое время.

Можно предположить также, что еще одна из возможных причин, по которой сэр Фрэнсис Хэмфри позволил Советскому Союзу открыть Торговое агентство в Багдаде именно в это время, была связана с процессом предоставления Ираку независимости. С назначением сэра Фрэнсиса Хамфри верховным комиссаром Ирака в 1929 г. начался новый этап в англо-иракских отношениях. Миссия Ф. Хамфри заключалась в том, чтобы убедить иракские власти заключить с Великобританией новый договор, предоставлявший иракскому народу суверенитет. Сложность состояла в том, что новый договор предоставлял Ираку не настоящую, а формальную независимость и на самом деле являлся новым прикрытием старого курса британской политики по внешнему управлению Ираком. Поэтому Ф. Хамфри необходимо было и организовать заключение данного договора, и постараться предупредить возможные антибританские выступления национально-патриотической оппозиции. Как известно, подписание англо-иракского договора в 1930 г. вызвало сильную отрицательную реакцию в иракском обществе. Ф. Хамфри старался смягчить эту реакцию и успокоить иракское общество. Для этого ему нужно было продемонстрировать, что британский контроль не тотальный, что иракский народ хоть в чем-то да получил возможность самому решать хотя бы некоторые внешне- и внутривопросы. И как раз подходящим показательным примером обретения иракцами суверенитета было открытие советского торгового агентства в Багдаде по требованию некоторых иракских политических и деловых кругов. Для того времени это действительно выглядело как нонсенс – большевистская Россия открывает свое агентство в практически колониальном Ираке. Налаживание отношений Ирака с Советским Союзом, главным борцом за права колониальных стран, в преддверии обретения

Ираком независимости, как видится, должно было содействовать смягчению напряженности в иракском обществе, возникшей в связи с заключением нового кабального англо-иракского договора.

Досадная недоработка или принципиальное решение? О мотивации Политбюро ЦК РКП(б) в вопросе торговли с Ираком

Если вернуться к докладу советского торгового представителя А. Д. Ахимова, то можно вспомнить, что в заключительной части своего доклада он предлагал отрегулировать советскую торговую политику в Ираке таким образом, чтобы сбалансировать торговые отношения между двумя странами. В противном случае, полагал Ахимов, Москва рискует утратить возможность работать на иракском рынке, поскольку советская агрессивная торговая стратегия разрушительно действует на него, вызывая негативную реакцию у иракских бизнесменов. Конечно, Ахимов как профессиональный экономист и дипломат рассуждал правильно. И, предлагая провести реорганизацию советской экономической политики в Ираке с целью налаживания комбинированной и уравновешенной экспортно-импортной системы товарооборота между странами, в целом, с точки зрения развития равноправных внешнеэкономических связей, он был абсолютно прав. Эта классическая модель взаимовыгодной двусторонней торговли действительно содействовала бы дальнейшему укреплению и развитию советско-иракских торгово-экономических связей, а также в определенной степени способствовала бы улучшению экономической ситуации в Ираке. Что, в свою очередь, значительно подняло бы авторитет советской державы в иракском государстве и создало хорошие предпосылки для развития и укрепления там экономического влияния СССР. Почему же этого не произошло? Как понимали в Москве ситуацию, сложившуюся в советско-иракской торговле? Был ли большой перекоп в сторону советского экспорта сознательной тактикой Москвы, или это была просто недоработка советского внешнеторгового ведомства? Пока вопрос остается открытым. Документы, которые могли бы пролить свет на эту проблему, еще не опубликованы. Однако, на мой взгляд, многое говорит в пользу того, что все-таки это была продуманная стратегия Кремля, преследовавшая определенные цели. И цели эти заключались в том, чтобы, с одной стороны, теми или иными средствами стараться содействовать выведению Ирака из-под британского контроля, а с другой стороны, пытаться посте-

пенно занять место его важнейшего внешнеполитического партнера.

Думается, что план А. Д. Ахимова скорее был хорош лишь в отношении таких стран, как, например, соседние с СССР Турция или Иран. В них влияние Лондона не носило столь абсолютного и определяющего характера, как в Ираке. И с ними СССР, успешно конкурируя с Британией, вот уже несколько лет активно развивал взаимовыгодные торговые отношения. Эти страны были более или менее независимы. Там не было британских военных баз и воинского контингента, как в Ираке. И если, например, в Иране Москва почти на равных боролась с Лондоном за влияние, то ситуация в Ираке кардинально отличалась. Ведь Ирак к началу 30-х гг. представлял собой, по сути, колонию, где англичане сосредоточили в своих руках всю внутреннюю и внешнюю политику. Поставленный ими во главе государства король Фейсал I полностью подчинялся решениям английского верховного комиссара в Ираке. Большинство руководящих постов в иракском государственном аппарате занимали английские чиновники. В этой связи вспоминаются замечательные слова Гертруды Белл, офицера британской военно-морской разведки, игравшей ведущую роль в создании государственных институтов Королевства Ирак. Ее слова очень точно передают колониальную суть тогдашней британской политики по формированию иракской государственности. Гертруда Белл писала: «Истина... в том, что мы обещали внедрить самоуправление и не только ни шагу в эту сторону не сделали, но деловито устанавливаем нечто совсем другое. В одной газете говорится, и справедливо, что мы обещали арабское правление с британскими советниками, а построили британское правление с арабскими советниками. И это так и есть» (Хауэлл 2015: 394).

В экономике Ирака также господствовал английский капитал. Британскими компаниями было монополизировано до 90 % иракского экспорта и 25 % импорта (Оганесян 1976: 52). Ими же эксплуатировалась и большая часть природных ресурсов Ирака. Финансы страны также контролировались английскими банками. Помимо главного иракского порта в Басре, Великобритании принадлежала и вся сеть железных дорог страны. Одновременно Ирак фактически находился под английской оккупацией. На территории королевства было размещено несколько баз британских военно-воздушных сил. Крупные воинские контингенты дислоцировались в Ханайди и Мосуле.

Обо всем этом хорошо знали в Москве, где, судя по документам Коминтерна, в этой связи совершенно справедливо полагали, что Ирак начала 30-х гг. – это расположенный поблизости от границ СССР крупный британский военно-стратегический центр, плацдарм для нападения на советское государство, откуда в будущей мировой войне по последнему может быть нанесен военный удар. Отметим в этой связи, что, как показало время, данная позиция советского руководства была во многом оправдана, ибо, как свидетельствуют факты, еще за год до нападения Германии на Советский Союз, а именно в мае 1940 г., Англия разрабатывала операцию по нанесению с территории Ирака бомбового авиаудара по советским нефтепромысловым районам на Кавказе (см. об этом более подробно: Юрьев 1949).

Поэтому, как представляется, в контексте предвоенного противостояния держав, проявлявшегося и в борьбе за влияние на Ближнем Востоке, большевистские руководители не собирались налаживать с Ираком взаимовыгодные торговые связи, способствуя тем самым оздоровлению экономической ситуации в последнем, на что надеялись иракские деловые круги. Напротив, поскольку Москва всемерно стремилась (в том числе и экономическими средствами) прежде всего ослабить британские позиции в Ираке, то она была заинтересована именно в обострении экономического кризиса в стране, так как тот самым наилучшим образом стимулировал недовольство иракского народа, выливавшееся в многочисленные антибританские и антиправительственные демонстрации и восстания, которые вспыхивали в эти годы по всей стране. Данный вывод подтверждает и тот факт, что в этот же период Москва пыталась проникнуть в Ирак, используя нелегальные возможности Коминтерна, в задачи которого как раз входило посредством окрашенной в социалистические тона пропаганды возбуждать недовольство иракских народных масс, направляя его против британских колониальных властей и их ставленников в правительстве. То есть эти два направления советской внешней политики (тотальная торговая экспансия и экспорт коммунистической идеологии) с точки зрения целеполагания вполне дополняли друг друга. Думается, что, преследуя именно вышеупомянутые цели, Москва придерживалась подобной деструктивной внешнеэкономической тактики в отношении Королевства Ирак на протяжении всей первой половины 30-х гг. XX в.

* * *

В заключение стоит отметить, что открытие советского торгового агентства в Багдаде в 1931 г. стало возможным только благодаря тому, что в этом оказались заинтересованы одновременно три государства – СССР, Великобритания и Королевство Ирак. При этом все три стороны имели разную внешнеполитическую мотивацию в этом вопросе, которая определялась прежде всего задачами обеспечения и защиты своих национально-государственных интересов.

В силу стечения обстоятельств Лондон, имевший мандат на управление Ираком, вынужден был дать «зеленый свет» советской экономической дипломатии на развитие сотрудничества с иракскими деловыми кругами. К числу этих обстоятельств можно отнести заинтересованность британского руководства в некоторой стабилизации иракской экономики, которая находилась в тяжелом кризисном состоянии. Торговля СССР с Ираком наряду с другими мерами в определенной степени могла содействовать оздоровлению экономической ситуации в Ираке, что, безусловно, способствовало бы укреплению в нем британских позиций. Наряду с этим Лондону было выгодно развитие советско-иракских торговых связей еще и по той причине, что после подписания англо-иракского договора 1930 г., формально предоставлявшего Ираку независимость, наличие торговых отношений между СССР, главным противником мировой колониальной системы, и Королевством Ирак могло в определенной мере свидетельствовать о том, что иракская внешняя политика постепенно приобретает независимый характер. Это также помогало снять некоторую напряженность в иракском обществе, в политической и экономической жизни которого важную роль играла активно формировавшаяся национально-патриотическая оппозиция, некоторые группы которой стремились к установлению всесторонних отношений с Советской Россией.

Что касается СССР, то в рассматриваемый период Ирак, безусловно, входил в сферу его внешнеполитических интересов, которые не могли быть полностью реализованы в силу политических причин, а именно из-за определяющего политического и экономического влияния Великобритании в Ираке. Тем не менее Москва активно пыталась использовать экономическую дипломатию в отношении «английского» Ирака в качестве средства обеспечения своих политико-экономических позиций в этой стране. Реальным результатом такой политики «экономического проникновения»

стало учреждение в 1931 г. торгового агентства СССР в Багдаде, которое было первым серьезным прорывом советской экономической дипломатии в Ираке в первой половине XX в.

Торговое агентство СССР в Багдаде просуществовало недолго. В конце 1931 г. по приказу Лондона специальным указом короля Фейсала оно было закрыто по причине предъявления его сотрудникам обвинения в проведении коммунистической пропаганды (Sassoon 1987: 225). Закрытие советского агентства тем не менее совсем не означало прекращения советско-иракских торговых связей. Напротив, именно с этого времени товарооборот между Советской Россией и Ираком стал приобретать тенденцию к росту, что также указывало прежде всего на определенную заинтересованность британского руководства в некотором развитии советско-иракских торговых контактов. В этот период советский экспорт в Ирак в значительной степени состоял из машин и инструментов, лесоматериалов и мануфактуры, черных металлов и даже нефти. В 1932 г. общий экспорт советской продукции в Ирак составил уже свыше одного миллиона фунтов стерлингов (Овезов 1967: 16). Правда, несмотря на возросший советский экспорт в эту страну, доля СССР во внешней торговле Ирака по-прежнему составляла лишь «сотую долю процента», что практически не оставляло Советскому Союзу никакой возможности для создания там серьезной инфраструктуры обеспечения своих политико-экономических позиций. Такое положение вещей явно не устраивало Москву, которая продолжала прилагать значительные дипломатические усилия в направлении развития и юридического оформления существующей между странами системы товарооборота.

Результатом этих усилий стало достигнутое в 1934 г. между правительствами СССР и Ирака соглашение об обмене торговыми делегациями. В августе 1934 г. состоялся первый в истории двусторонних отношений визит в Королевство Ирак советской правительственной делегации, которая вела переговоры об активизации двусторонней торговли, расширении деловых контактов и экономического сотрудничества (Там же: 17). Визит положил начало переговорному процессу между руководствами двух стран, получившему продолжение в 1935 г., когда Кремль через иракское посольство в Лондоне сделал официальное обращение к правительству Ирака, в котором выразил желание заключить между странами торговый договор на принципах экономической взаимовыгодности (РГАСПИ. Ф. 532. ОП. 4. Д. 28). Однако позиция британского правительства

в этом вопросе не претерпела серьезных изменений. Оно явно не было заинтересовано в значительном усилении в Ираке экономических позиций СССР. Лондон вполне устраивал «символический уровень» советско-иракских взаимоотношений. И, видимо, по этой причине МИД Ирака, непосредственно занимавшийся рассмотрением возможного проекта торгового соглашения между правительствами двух стран, в конце концов вынужден был уклониться от предложений советского руководства.

Литература

Ментешавили, А. М. 1969. *Ирак в годы английского мандата*. М.: Наука.

Миняжетдинов, И. Х. 2006. Попытки прорыва советской «экономической дипломатии» в Ирак и советско-иракские торговые отношения в период 1924–1931 гг. *Ученые записки Центра арабских исследований*. Вып. 4. М.: ИВ РАН, с. 96–115.

Овезов, К. 1967. *Из истории советско-иракских экономических связей 1925–1963 гг.* М.

Оганесян, Н. О. 1976. *Национально-освободительное движение в Ираке (1917–1958)*. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР.

Хауэлл, Дж. 2015. *Королева пустыни*. М.: АСТ.

Юрьев, Р. 1949. Подготовка Англии и Франции к нападению на Советский Союз с Юга в 1939–1940 годах. *Вопросы истории* 2: 101–108.

Berliner Tageblatt. 1931. 1 April.

Sassoon J. 1987. *Economic Policy in Iraq, 1932–1950*. London: Psychology Press.

Архивы

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.